

Татьяна ЛАРИНА

Спектакль шел под смех и аплодисменты. Режиссер — педагог Б. Казанский ввел в «Соперников» Шеридана элементы фарса, буффонады, песенки и интермедии порой в стиле студенческого капустника. На сцене — огромный добродушный простофиля Акр (Н. Бадин), глуховатый старичок Дэвид, очаровательный в своей непосредственности (В. Седов), Люси и Фэг (Г. Федотова и В. Клюев), лукавые и преданные слуги двух влюбленных... Право, трудно было отдать предпочтение кому-то одному. И все же миссис Малапроп — Т. Ларину сразу выделила из всех.

Шеголя своей образованностью, ее героиня безбожно перевирала иностранные слова и при этом явно унивалась звуком собственного голоса. Услышав, что ее возлюбленный дерется на дуэли, эта солидная дама металась по комнате и истошно вопила: «Девочки, за мной! На помощь сэру Люциусу!». Словом, она была предельно, фантастически смешна и нелепа. Только в последней сцене, отвергнутая сэром Люциусом, она вдруг как-то сжалась от горькой женской обиды, но тут же обрела былую самоуверенность под влюбленным взглядом сэра Энтони.

лософию, что без нее актеру просто не обойтись. И с ним можно было поговорить обо всем: о жизни, об искусстве и даже о своих личных проблемах. Он все мог объяснить, посоветовать и помочь, если надо.

Она, видно, всегда готова поделиться своей радостью с другими. В школе, где она училась, до сих пор помнят, как она приносила свои любимые пластинки и собирала ребят послушать русские песни, да не просто так, а в русских костюмах, у самовара — она бралась за дело со страстью, с выдумкой. В училище, казалось бы, некогда думать ни о чем, кроме занятий. Можно понять тех, кому шефские концерты представлялись тяжелой повинностью. Но Таня сдвинула с удовольствия выступать куда угодно, хотя возвращаться в свою Лосиновостровскую ей приходилось далеко за полночь. Однажды в рабочем клубе она читала «Катерину» Некрасова. В перерыве к ней подошла являющаяся женщина. «У меня мама в деревне эту песню пела», — сказала она Тане.

— Хочется нести людям — ну, понимаете? — она страстно и беспомощно разводила руками не в силах закончить: «искусство, правду, все лучшее, что есть во мне самой».

— Татьяна Ларина! Вас нарочно так называли?

— Да еще и Дмитриевна, — смеется она. — Только мама об этом даже и не подумала.

Внешне она не похожа на хрупкую героиню романа. Но помните, у Пушкина: «Татьяна русская душою»...

Георгий ВАСИЛЬЕВ

Через десять минут начиналась репетиция «Ленинградского проспекта». Он медленно, несколько церемонно поклонился, как бы вопрошая: «Чем могу служить?». Я решила отложить разговор до конца репетиции, и он не замедлил вернуться к своему месту, к своей роли и к своим мыслям.

Начали с читки третьего акта. В голосе Юры явственно послышались старческие нотки его героя Василия Забродина. Во время трудного, решающего судьбу Забродинных разговора он от волнения начинал с силой водить ладонью по краю стола. Он не читал, а уже жил пьесой. Когда разбирали этот акт, ребята наперебой высказывали свои соображения.

Он внимательно слушал все, что говорилось, иногда делал какие-то замечки. Речь у него настоящая, русская, московская, поэтому я очень удивилась, узнав, что он родился и вырос в Виннице.

— Я и театров-то хороших никогда не видел, — рассказывал он. — И семья у нас хоть и интеллигентная, но весьма далекая от искусства. Почему театр? Не знаю. Может быть, это звучит глупо, но когда в пять лет меня спросили, кем я хочу быть, я, честное слово, сказал: «артистом». Ходил в городской театр, восхищался, восторгался буквально всем, ну, знаете, как бывает в провинциальных городах. Есть такое стихотворение у Ивнева: «Как жаль мне тех, кто не жил никогда в глухих провинциальных городах»...

Я взяла книжку и поняла, чем ему дороги эти бесхитростные стихи:

«...Кто не глазел на двухэтажный дом,
Как будто мир весь помещался
в нем...

Кто не впивал с восторгом

в детском зоре
Цветы афиш на сгорбленном
заборе...
Кто не бродил за городской
чертой,
Пронизанный необычайно
мечтой.

Мечта у него и впрямь необычайная. Он говорил о ней горячо и сбивчиво, обращаясь то к простейшим жизненным примерам, то к идеям великих философов, писателей и актеров. Ему хотелось, чтобы я поняла, каким должен быть театр, который он создал в своем воображении и мечтает воплотить в жизнь. Этот театр действует как постоянный нравственный раздражитель: он не только дает людям ответ на волнующие вопросы, но и вызывает у них необходимость определить свое отношение к проблемам добра и зла, которые он постоянно решает в каждом своем образе. Испытав такое действие театра, люди не смогут обходиться без его мудрости, очищения и ощущения прекрасного. Актер в этом театре способен быть судьей и учителем людей, потому что он так познал себя и человека вообще, что в него как бы вмещаются все знание и вся душа человечества.

— Актер должен творить каждую секунду своего существования, — утверждает Юра.

Можно спорить о способности актера вместить в себя все знание и всю душу человечества, хотя не оспаривается нравственного и интеллектуального самосовершенствования для актера и не подлежит сомнению. Можно сказать, что мысль о театре как о нравственном раздражителе не нова; она заложена в самой основе искусства театра и любого искусства вообще. Важно, что для Юры это не само собой разумеющаяся истина и даже не только идеал, а реальная цель, основа всей его жизненной программы.

Когда он поступал в училище, ему было двадцать лет. Он уже руководил драматической студией и работал в профессиональном театре. Оставив сложившиеся навыки и представления и начинать с азов поначалу казалось мучительно трудным, почти невозможным. Но он понял, что без этого нельзя. И если сначала педагоги сомневались, что из него что-нибудь получится, то сейчас, по общему мнению, из него вышел актер, способный создавать самые разные и сложные образы. Ему дали ответственные роли во всех трех дипломных спектаклях. По его собственному признанию, только Прохор в «Васе Железновой» в какой-то мере дает ему возможность сделать то, что бы хотелось. В «Соперниках», например, он играет сэра Энтони, деспотичного отца, который прощает сыну его проделки, потому что с удовольствием вспоминает собственную бурную молодость. Такие рамки позволяют Юре сделать сэра Энтони лишь чуть более насмешливым, хитрым и проницательным, чем он написан у Шеридана. Поэтому роль сэра Энтони не приносит ему удовлетворения. Тем не менее в его игре столько юмора, легкости, в артистичности, на сцене он кажется просто рожденным для этой роли.

ПРО ХОРОШИХ актеров иногда говорят: «Он актер прирожденный, актер милостью божьей». Милость? Нет, бремя тяжелого труда и ответственности.

М. БЛАГОНРАЕВА.

ВЫПУСКНИКИ 70-го

ЩЕПКИНЦЫ

Сегодня мы расскажем о двух студентах IV курса актерского факультета Театрального училища имени Щепкина (художественный руководитель курса М. Царев).

А ведь миссис Малапроп можно было придать определенное изящество и чувство достоинства, как делает, например, С. Калайтан в спектакле ГИТИСа. На мой взгляд, у Лариной получается острее, смешнее, драматичнее, но насколько надо быть самоотверженной, чтобы так выглядеть в дипломном спектакле!

Таня выслушала мое мнение о «Соперниках», внимательно заглядывая мне в глаза и с готовностью кивая головой, — так серьезно и просто, так по-доброму, что я и не заметила, как исчезла неловкость первого знакомства. Стала рассказывать о себе, как прошла творческий конкурс в школе-студии МХАТа и на радостях провалилась на экзамене по истории. Как поступила в Щепкинское училище и как после всех этих тревожений решила: «Кровь из носу, а заниматься!».

Так и сказала: «Кровь из носу». Выражается она энергично и работает с полной отдачей, и роли ее привлекают сильные, драматичные. Она мечтает сыграть Вассу Железнову, Катерину в «Грозе», Надю в «Старшей сестре». Она с удовольствием играет и комические роли, но даже там схватывает малейший намек на внутреннюю драму, оттого что она не может равнодушно пройти мимо боли, тоски, тревоги.

— Напишите о нашем Илье Михайловиче Бычкове, — горячо просит Таня. — Он нам так читал фи-

Т. Ларина — миссис Малапроп в «Соперниках». Р. Шеридана. Фото А. Абазы.

СОЮЗСКАЯ КУЛЬТУРА
23 МАЯ 1970